

A close-up, high-contrast photograph of a person's face, focusing on the eyes, nose, and mouth. The person has a wide-eyed, open-mouthed expression, suggesting shock or surprise. The skin appears slightly textured or cracked, and the lighting is dramatic, with strong highlights and shadows.

Вадим Россик

*День, когда
пропали
тараканы*

Вадим Россик

День, когда пропали тараканы

«Издательские решения»

Россик В.

День, когда пропали тараканы / В. Россик — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964761-0

Действие детектива происходит в маленьком французском городке Лурд, в недорогом семейном мини-отеле, где остановился главный герой — писатель из России. Знал бы он, чем для него обойдется попытка поправить здоровье и попить целебной воды! Сюжет держит в напряжении на протяжении всего повествования. С каждой главой и с каждой страницей градус накала событий возрастает...

ISBN 978-5-44-964761-0

© Россик В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

День, когда пропали тараканы

Вадим Россик

«Воображение – это то, что стремится стать реальностью».

Андре Бретон

© Вадим Россик, 2019

ISBN 978-5-4496-4761-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Начало апреля.

– Кстати о движении, – говорит Марина. – Я тут подумала, что тебя обязательно нужно свозить в Лурд. Попьёшь из святого источника исцеляющей водички, и, может быть, твои тараканы из головы пропадут. Слышишь меня, Вадим? Ну о чём ты вечно думаешь?

Не дожидаясь моего ответа, Марина уходит на кухню.

Лурд? Я хмуро смотрю на учебник французского языка, празднично валяющийся на подоконнике. Это домашний врач фрау Половинкин как-то порекомендовала мне изучение иностранных языков для лучшего восстановления деятельности мозга и памяти. Марина притащила мне потрепанный учебник французского. Мало ей таблеток, которые я ненавижу почти год. Теперь я ненавижу ещё и французский язык.

Хотя, если честно, что-то делать с мозгом нужно. Около года назад у меня случился инсульт. Такая вот непруха. Однажды утром где-то внутри оторвался тромб и пополз, гад, к голове. Хорошо ещё, что Марина оказалась рядом. Она вызвала «Скорую помощь», и процесс пошёл: сложнейшая операция, два отверстия в черепе, закрытые пластиной, искусственная кома. Итог: трясущиеся руки, стойкое головокружение, испорченное настроение. Отныне и до конца жизни я обязан ежедневно принимать таблетки, регулярно сдавать кровь, следить за давлением и холестерином, избегать жары, горячей ванны, сауны. Ну и на кой чёрт Марине сдался теперь наш межнациональный брак?

Кто не знает: Марина – это моя жена, казахстанская немка, благодаря которой я очутился в маленьком баварском городке на Песталоцциштрассе. Местные жители без особых заморочек называют его Наш Городок. Городок как городок. Путаница узких улочек в кольце невысоких холмов, поросших соснами и елями. С трёх сторон городок окружает густая чаща со сказочным названием Ведьмин лес, с четвёртой – река. На высоком берегу Майна высится большущий квадратный замок. Фасад из тёмного известняка, выступающие карнизы, каменный орнамент в стиле маньеризма. Память о далёком феодальном прошлом. Величавая глыба презрительно глядит сотней стрельчатых окон на нелепую суету жалких человечков у подножия своих стен. В самом-то деле! Кто она, а кто они? Она же ведь замок!

Впрочем, я отвлёкся от своих болячек. Расскажу о них ещё немного. Похвастаюсь. Недавно мне выдали зелёную пластиковую карточку, на которой указано, что её обладатель – инвалид с пятидесятипроцентной трудоспособностью. Ну и ладно. Я не рвусь работать грузчиком или подсобником на складе. Вообще-то я писатель. Пока малоизвестный, но стремлюсь. Каждый день тружусь, как термит, над очередным шедевром. Сейчас жду отзыв издательства на мой последний роман. О чём романы? Да как у всех: секс, насилие, жестокость. Другое в наше время почти не читают.

Компьютер докладывает, что получено электронное письмо. Открываю его. Это короткое сообщение из издательства. Наконец-то! С замиранием сердца читаю: мой роман понравился и будет издан в конце года. Ура! Я люблю тебя, издательство!

– Лурд – это где? – жизнерадостно спрашиваю Марину, неторопливо врываясь в кухню. Радиоприёмник над столом в тысячный раз за день выдаёт слоган нашей баварской радиостанции «Антенне Байерн»: «Мы любим Баварию! Мы любим хиты!» Жена со своим младшим сыном, десятилетним Лукасом, заканчивает лепить манты. Старший, Саша, недавно получил от города квартиру и теперь живёт отдельно от нас.

– Во Франции. А ты не знаешь?

– Не знаю, но смогу это пережить, – бурчу я, водружая себя на стул поближе к мантам.

Сообщаю Марине приятную новость из издательства.

– Вот видишь, милая, – хотел, как всегда, а вышло снова лучше.

– Поздравляю, – сдержанно говорит жена. – Может, наконец, что-то заработаешь.

Я обиженно гляжу на супругу. Намекает, что вышла замуж за финансовую пропасть? Ох уж эта женская практичность! Разве в творчестве главное деньги? Гораздо важнее память о тебе. Кто умер, но не забыт – тот бессмертен. Не помню, кто сказал.

Я не успеваю ответить Марине, потому что за окнами раздаётся громкий перезвон колоколов. Теперь разговаривать невозможно. Даже радио не слышно. Прямо напротив нашего дома находится старинная церковь. Каждые пятнадцать минут её колокола отбивают время. Я уже знаю: один удар – первая четверть часа, два удара – полчаса, три удара – три четверти часа, четыре удара – ровно час и плюс дополнительные удары другого колокола тоном ниже. Сколько часов – столько ударов. Вроде бы всё просто, но мне понадобилось прожить на Песталоцциштрассе больше года, чтобы постичь эту систему.

– Отвезу-ка я тебя в Лурд, – продолжает тему Марина, когда перезвон стихает. – Поживёшь там, сходишь в церковь. Попросишь себе здоровья. Наберёшь чудотворной воды в источнике, и будем тебя этой водой дома лечить.

Я недовольно морщусь:

– Ты же знаешь, Марина, что я не верю в такие штучки. Напьёшься такой водицы и козлёночком станешь. Или ещё хуже: будешь дристать дальше, чем видишь.

Марина сердито заявляет, включая мантоварку:

– А надо верить! Лиза говорит: «По вере тебе и воздастся!»

Во Франции я уже был. После бракосочетания мы с супругой совершили короткое свадебное путешествие в Париж. Постояли под Эйфелевой башней (она была закрыта на реставрацию), погуляли по Елисейским полям, посетили Нотр-Дам, прокатились на парходике по Сене, осмотрели Лувр и Версаль. Париж мне понравился, но Лурд?

– А что такое этот твой Лурд? – задаю вопрос Марине, пока она накрывает на стол. Рядом со мной Лукас, высунув от старания язык, заполняет приглашения на свой день рождения. Здесь даже дети присылают друг другу открытки с указанием точного времени и места празднования. В этом году Марина решила снять для Лукаса и его друзей игровой зал в детском центре. Пусть побесятся без взрослых. Там их и покормят, и развлекут.

– Лурд – это святое место! – закатывает глаза Марина. – Лиза и Себастьян ездили туда зимой. Лиза вернулась в совершенном восторге и при первой возможности поедет туда ещё раз.

Лиза и Себастьян – это наши друзья. Пожилая чета бывших казахстанцев живёт на другом конце города за Майном, и мы иногда ездим к ним в гости. У Себастьяна для меня всегда припасена бутылочка хорошего коньяка, а у Лизы для Марины – баночка настоящего мёда.

– Лурд расположен у подножия Пиренеев, – продолжает рассказывать Марина, раскладывая сварившиеся манты по тарелкам. – Это совсем маленький городок. Там в середине девятнадцатого века одной местной девочке по имени Бернадетта явилась Дева Мария. С тех пор туда не прекращается паломничество. Миллионы людей со всего света! Среди паломников особенно много больных и инвалидов.

– Я не инвалид, – мрачно вставляю я. – Мне просто нужно немного времени, чтобы восстановиться.

– Ну, конечно, дорогой, – соглашается Марина. – В Лурде зарегистрированы семь тысяч случаев чудесного исцеления. По-моему, тебе как раз туда.

– Может, лучше в Египет? Тоже загадочное место, – предлагаю я альтернативу, но Марина презрительно кривится.

– Не выдумывай! В Египте лишь жара и пирамиды. К тому же все египтяне кланчат у туристов деньги. Все поголовно: от арабчат до верблюдов.

– Ну ладно, бог с ним, с Египтом, – разочарованно вздыхаю я. – А что конкретно тебе сказала Лиза?

Марина восклицает:

– О, она была так бегайстерт!¹

– Чем же она была так воодушевлена и почему они вообще туда поперлись? – кисло спрашиваю я, нанизывая на вилку первый, самый аппетитный мант. Пора кормить организм, хоть он того и не заслуживает. Сильно подвёл меня год назад.

– Себастьян занемог. Что-то со спиной. Ни согнуться, ни разогнуться, ни повернуться. Врачи толком сделать ничего не могли, вот Лиза и повезла его в Лурд. Ей одна знакомая посоветовала. Да ты её тоже знаешь. Это Майя – подруга комиссара Уля.

Киваю. Я помню Майю. Ещё бы! Чёрная, как автопокрышка, плоская, как школьная тетрадь, женщина. Жертва солярия.

– Лиза долго не раздумывала. Просто посадила Себастьяна в свою «Мазду» и поехала. Когда они добрались до Лурда, то остановились в первом попавшемся отеле. Отелей там множество. На любой кошелёк.

– И что?

– Что-что! Они сходили в церковь, помолились за здоровье Себастьяна, поставили свечи, набрали воды из источника. Теперь Лиза эту воду по капле добавляет во всё, что готовит: в суп, чай, кофе. Жалее, что мало взяли.

– А Себастьян?

– В том-то и штука – Себастьяну стало лучше! Теперь Лиза снова собирается в Лурд следующей зимой. Помолиться, свечи поставить, воды набрать. И мне говорит: «Свози своего туда тоже. Хуже точно не будет».

Пожимаю плечами. Машинально барабаню кончиками пальцев по столу. На моём тайном языке это означает: «Ну что ж, Лурд так Лурд».

После обеда едем с Мариной в АРГ. Вернее, я еду, а она меня везёт на нашем стареньком «Форде». У меня термин (ударение на последний слог). В детстве мама учила, что есть волшебное слово, которое открывает любые двери: «пожалуйста». В Германии я прибавил ещё слово «термин». Если у тебя есть термин, двери тоже открываются.

Кто не знает: АРГ – это такое строгое учреждение, которое обеспечивает жителей Нашего Городка работой или платит пособие нетрудоспособным бедолагам вроде меня. Мой социальный работник фрау Адамс направила меня на медицинское обследование, чтобы точнее знать, где я могу пригодиться германской экономике. Для таких дел у АРГ есть свой врач – доктор с некрасивой фамилией Котц (блевотина). Вот к нему-то меня Марина и везёт.

На душе тяжело. Куда меня загонит этот самый доктор Котц? Мыть туалеты на автобанах? Чтобы отвлечься от чёрных мыслей, смотрю в окошко, считаю прохожих. Я читал, что немцы стремительно стареют. Молодёжи всё меньше, пенсионеров всё больше. Действительно, на улице преобладают седоголовые. Они куда-то спешат по тротуарам, крутят педали велосипедов, сидят в блестящих автомобилях. Страна серебряных висков.

– Халло!

– Халло!

Герр Блевотина оказывается человеком кинематографических размеров. Будто два мужика в одном костюме. Врач добродушно задаёт мне несколько вопросов, ответы на которые прилежно записывает медсестра в белом халатике и оранжевых колготках. Для смотра моих боевых сил мне не нужно даже раздеваться. Последний вопрос доктора: «Вы не будете против того, чтобы просто ставить печати на бумагу?» Я неуверенно киваю. Вообще-то в жизни всегда есть место подвигу. Через десять минут обследования Котц выносит свой вердикт:

– Лёгкий сидячий труд в бюро не более трёх-четырёх часов в день и чюсс!

– Чюсс!

¹ От begeistern – воодушевлять, вдохновлять, восхищать (нем.).

Я облегчённо вздыхаю. Пусть теперь у фрау Адамс голова болит, где найти для меня такую халявную работу.

Возвращаемся домой. На кухне орёт радио. Энджи Мэттсон, «Ураган». Лукас, лежа на полу перед телевизором с огромным пакетом чипсов, натужно кашляет. Наш малыш где-то простыл и второй день сидит дома.

– Лукас! Немедленно встань с холодного пола! – раздражается Марина, едва войдя в зал. – И чипсы не рассыпь! Почему тебе нужно говорить об этом тысячу раз?

– Потому что, – загадочно отвечает ребёнок, не двигаясь. – А где вы были?

У Лукаса есть одна очень неприятная для любого взрослого черта. Он непременно хочет знать, куда ты ходил, с кем виделся, кто тебе звонил, что ты купил, сколько заплатил и так далее до бесконечности. Впрочем, я быстро научился преодолевать любопытство отрока. Надеюсь, с пользой для своих нервов. Ведь всё, что ты можешь преодолеть, делает тебя сильнее.

– В Караганде, – торжественно даю я исчерпывающий ответ. Лукас уже знает, что дальше задавать вопросы бессмысленно.

– Ладно, мальчики, не ссорьтесь, – говорит Марина, раскладывая гладильную доску. – Занимайтесь своими делами, а я сейчас быстренько гладану бельё и буду готовить ужин.

Вот и славно. Веду себя к компьютеру, однако истошный вой сирены за окнами отвлекает нас от домашних хлопот.

– Что это? – удивляется Марина.

Лукас бросается к окну.

– Пожарная машина, мама! У нас во дворе!

– Мы горим? – спокойно спрашивает Марина.

Я нюхаю воздух. Дымом не пахнет.

– Может, это учения? – задаю вопрос.

– Пожарники заходят в наш подъезд, – информирует Лукас, прижав нос к стеклу.

Значит, действительно что-то случилось. В Нашем Городке пожарные просто так не приезжают.

Лукас выскакивает в подъезд. Я тащу себя следом за ним. Марина остаётся дома. Ей ещё нужно переглядить кучу белья.

На лестничной клетке слышны тяжёлые шаги. Это пожарные поднимаются вверх. Мы с Лукасом ждём их возле своих дверей. Наша соседка – фрау Краус – на лестнице не показывается. Ей уже за девяносто, она плохо видит и слышит. А вот и двое серьёзных униформированных мужчин в сопровождении нашей старшей по дому фрау Томас. Когда они вступают на нашу площадку, до меня наконец-то доходит, что пожарные идут к соседке.

– Халло!

– Халло!

– Что случилось, фрау Томас?

– Фрау Краус уже два дня не забирает почту. Я позвонила ей в дверь. Она не открывает. Пришлось вызвать пожарных, «Скорую помощь» и полицию.

Пока мы разговариваем, пожарники несколько раз подолгу нажимают на звонок. Никакой реакции. Потом они громко стучат. Никакой реакции. Тогда серьёзные мужчины достают инструменты, минуту возятся с замком и резким ударом распахивают дверь. Навстречу нам из квартиры фрау Краус вырывается волна смрада. Вопреки моим ожиданиям никто не бросается в открытую дверь. Один из пожарных зовёт соседку по имени. Ему вторит фрау Томас. В ответ раздаётся слабый голос. Слава богу, старушка жива.

На площадке появляется озабоченный полицейский. За ним спешат работники «Скорой помощи». Они несут с собой всё необходимое для оживления бабушек. Первым в нехорошую квартиру входит представитель власти. Все нетерпеливо ждут результатов его разведки. Особенно Лукас. Пацан весь извёлся. Он нервно пританцовывает рядом со мной.

– Стой спокойно, не дёргайся! – делаю замечание мальчишке. Тот страдальчески морщится. Он бы уже, как Герасим Муму, утопил меня в море вопросов, но стесняется посторонних.

Полицай высовывает голову из соседской двери и зовёт эскулапов. Они мгновенно исчезают внутри. Слышно, как медики разговаривают с фрау Краус. Тем временем пожарные собирают свои инструменты и прощаются с нами:

– Чюсс!

– Чюсс!

Серьёзные мужчины спускаются вниз, а им навстречу, крихтя, вздыхая и останавливаясь на каждой ступеньке, поднимается ещё одна бабулька. Крохотная, как мозг динозавра. Это фрау Хунгер – ровесница Октябрьской революции.

– А что здесь случилось? – подслеповато шурится на нас фрау Хунгер.

Фрау Томас начинает непростой диалог с глухой старушкой, но я их не слушаю – увожу себя домой. Лукас, разумеется, остаётся в подъезде. Он не может пересилить свою тягу к контролю всего и вся.

За ужином узнаём от Лукаса последние домовые новости. Оказывается, вчера вечером у фрау Краус случился сердечный приступ. Бедняжка упала на пол возле кровати и пролежала почти сутки. К счастью, фрау Томас вовремя забеспокоилась. Врач «Скорой помощи» сказал, что ещё немного и было бы поздно. Теперь, после лечения в клинике, нашу соседку заберут в дом для престарелых, в альтерсхайм, так как у неё не осталось никого из родных. Грустная история.

Когда день уступает место ночи, Марина решительно садится за компьютер. В ответ на мой вопросительный взгляд она бормочет, не отрывая глаз от монитора:

– Я же обещала свозить тебя в Лурд. И чем раньше, тем лучше. Нужно всё грамотно спланировать. Проложить маршрут, найти и заказать отель. Поищу дешёвый вариант. А ты не жди меня, ложись спать.

Пожимаю плечами. Вот всегда она так. Командирка. Ну и ладно.

Перед сном отправляю себя в ванную комнату. Такое правило. Включаю воду. Кран подсвечивает льющуюся струю разными цветами: синим, красным, зелёным. Сантехника становится изощрённее, а вода всё такая же – просто мокрая. Мой взгляд теряется в сияющей амальгаме зеркала, висящего над раковиной. На меня недоверчиво смотрит дряхлый остаток моего эго. Конечно, это не лик Страшного суда, но тоже не люто доброжелательный. Типичный одинокий гений. Суровый донельзя.

На минутку отвожу глаза от зеркала, а когда снова поднимаю их, вижу чужое лицо. Удивительное лицо. Огромные глаза, вздёрнутый носик, острый подбородок, нимб золотых кудрявых волос. Девочка-эльф. Она с горькой гримаской разглядывает меня. Внезапно волшебное личико искажает мука. Я, наконец, вздрагиваю от неожиданности. Миг – и девочки-эльфа больше нет. В зеркале опять знакомый анфас малоизвестного писателя.

Лёжа в постели, размышляю о случившемся в ванной. Мне не в первый раз являются необычные образы. Я раньше уже встречался с парой детских фигурок без лиц, жуткой старухой и скоропостижно умершим художником. Кто они? Или что они? Всего лишь моё воображение или бесплотные сущности, заблудившиеся между Явью и Навью? Я не знаю. По-моему, хороший писатель должен обладать высокой чувствительностью, впечатлительностью, богатой фантазией, способностью видеть и понимать то, что скрыто от других. Видимо, я наделён этими странными качествами, раз призрачные создания так ко мне и льнут. Чтобы лучше понимать живых, необходимо общаться с мёртвыми.

Слышу, как по карнизу стучат тяжёлые капли, в желобах шумит вода. Это весенний дождь решил освежить Наш Городок, пока никто не болтается по улицам. Монотонная музыка капли располагает к меланхолии. Начинаю засыпать, но, шлёпнувшаяся возле меня, холодная,

как ливень за окном, Марина прогоняет сон. Обычно жена спит в милой розовой девчачьей пижамке, но сейчас обнажена.

– Побалуемся?

Я так и знал! Марина соскучилась и требует от меня выполнения супружеского долга. Супружеское ложе – это место, где двое превращаются в одно целое. Начинаю начинать. А куда деваться? Надо так надо. Вскоре лёд трогается. Маринка на время забывает свои командирские манеры и полностью разделяет со мной мою твёрдую точку зрения. Ритмичные движения, стоны... Два любящих сердца бьются в унисон... В общем, сами знаете, как всё это работает. После апогея пламя во мне окончательно гаснет, и я теряюсь в пространстве. Последняя мысль, полная самодовольства: «Ну, что я за пэрчик!»

Просыпаюсь. В спальне хоть глаз выколи – рольставни на окне опущены до самого низа. Светящийся циферблат будильника сообщает время: два часа ночи. Марина тихо дышит, положив голову на моё плечо. Осторожно глотаю. У меня болит горло. На улице пьяные русаки орут «Песню про зайцев»: «А нам всё равно! А нам всё равно!» Тоже грустная история.

Глава 2

Пятница. Раннее утро. Лежу один в постели, окуклившись в одеяле. Марина шуршит на кухне. Судя по запаху, варит какао. Лукас смотрит мультики. За рольставнями звенят детские голоса, грохочут ранцы, ветер гремит железом крыш. Апрель в этом году порывистый, как юноша. А ранцы грохочут, потому что на колёсиках. Недавно все германские младшие школьники обзавелись ранцами с длинной ручкой и на колёсиках. У Лукаса тоже есть такой. Выпросил у мамки.

Колокола соседней церкви гулко советуют мне вставать. Ладно-ладно, не брякайте. Уже встаю. Пока я воюю с одеждой, вспоминается ночной сон. Снилось какая-то ерунда на эротическую тему. Надеюсь, что на эротическую. Из жуткой тьмы мне улыбалась девушка, одновременно похожая на сказочного эльфа и Марину. Голубые глаза, острый носик, копна кудрявых волос. Ну, сами, наверное, видели таких в сказках. В памяти застряло имя: Кассандра. Мне оно ни о чём не говорит.

Умываюсь, разглядывая своё лицо в зеркале. Больше никаких девочек-эльфов не появляется. Зато нахожу, что моё лицо напоминает лицо Хемингуэя, только без бороды и глупее. А вот горло сильно болит. Похоже, что Лукас всё-таки «наградил» меня своей простудой.

Захожу на кухню.

– Ну, милая, что ты вчера надывала о Лурде?

Голос у меня такой гнусавый, словно заговорил слон.

Марина радостно сообщает:

– Я заказала для тебя комнату в «Галльском петухе». Оплатила две недели с полным пансионом.

– Это что ещё за заведение?

– Недорогой семейный мини-отель. И они говорят по-немецки. Отель находится не очень далеко от санктуария.

– От санктуария?

– Это святилище, возведённое методом народной стройки над тем местом, где Бернадетта встретила Деву Марию. Я вчера тебе рассказывала.

– Ясно. И когда ехать?

– Сегодня в ночь. Поедем на Сашином «Ауди». Я уже с сыном договорилась. Он тоже едет. Два водителя лучше, чем один.

Я не спорю. Спорить с Мариной всё равно, что дёргать за хвост собаку – жизнь может не сложиться. Только недовольно спрашиваю:

– И что я там буду делать целых две недели?

– Будешь ходить в церковь, просить себе здоровья. Поставишь за всех нас свечки. Я тебе оставлю десяток канистр – наберёшь целебной воды из источника. Возле санктуария есть купальни для мужчин и женщин. Омоешься. Сделаешь фото на память. В общем, дело всегда найдётся. А я тебя через две недели заберу. Сама бы там пожила, но мне в понедельник на работу.

Недавно АРГ нашло-таки Марине дело всей жизни – сортировать вешалки для одежды на одной маленькой фирме. В понедельник жена заступает на трудовую вахту. Платят там, конечно, копейки, но зато АРГ больше не будет доставать.

Я люблю путешествовать, поэтому дальняя поездка во Францию меня несколько не огорчает, но для порядка ворчу:

– И почему всегда так – ты что-то придумываешь, а мне приходится расхлёбывать последствия твоих гениальных замыслов?

После завтрака звоню по скайпу в Россию своему брату Агафону. Нужно его предупредить, что меня не будет на связи две недели. Я всегда испытываю за брата ответственность. В конце концов, это ведь я выбрал ему это странное имя Агафон.

Агафон дома и ещё не спит. Мой брат – преподаватель заштатного университета на Урале, поэтому дома выглядит совсем не как оксфордский профессор. На брате грязная майка, на щеках щетина, волосы стоят дыбом, очки криво висят на длинном, хрящеватом носу. И никакого сходства с Хемингуэем. Скорее с человеком, выросшим на свалке.

– Привет, братан!

Агафон широко улыбается, демонстрируя плохие зубы.

– Привет! Я сам тебе звонил час назад, но ты не отозвался.

– Наверно, я ещё спал. Только недавно встал и напился горячего какао. Это жизнь в золотом миллиарде, братан!

Агафон гордо произносит:

– Зато я ел рыбу рипус!

Я пренебрежительно кривлюсь.

– Это третий мир со всеми вытекающими.

Агафон предупреждает:

– Будь осторожен! С помощью синтетического какао капиталисты отравляют твоё сознание, а рипус – натурпродукт.

– Просто ты мне завидуешь. Как паппа мио?

Навечно холостой Агафон живёт вместе с нашим стареньким папкой. Мама умерла, и оставила нас одних.

– Всё никак не может решиться купить ботинки.

– Почему?

– Это противоречит его принципам.

– Не хочет вносить свой скромный вклад в экономику Родины?

– Не знаю. Папа скрывает свои мысли. Вообще не желает об этом говорить. Чтобы не госпитализировали. Я считаю, что в нём дремлют огромные разрушительные силы.

– Везувий?

– Кракатау!

Перевожу разговор на другое:

– Я вчера послушал великих гитаристов Пако де Лусию и Дмитрия Мамонтова. А ведь когда-то и я... Помнишь мою гитару? Эх, молодость-молодость!

– И что?

– Предложил Марине: я буду играть на гитаре фламенко, а ты танцуй. Пока она думает.

Агафон говорит с ехидцей:

– Пусть подольше думает, и проблема отпадёт сама собой.

– Ты пессимист, братан. У тебя коньяк воняет клопами. А у меня клоп пахнет коньячком!

Агафон смеётся. Сообщаю брату о намечающемся путешествии в Лурд, и мы прощаемся:

– Пока!

– Пока!

Поздний вечер. Моросит дождь. Едем на юг по автобану номер пять. Франкфурт, Дармштадт, Карлсруэ уже остались за кормой. За штурвалом стремительного сизо-серого «Ауди» наш Саша. Я шмыгаю носом на пассажирском сиденье рядом с ним. У меня зверски болит горло. Марина дремлет сзади. Чтобы жизнь ей не казалась мёдом, сипло спрашиваю вялую супругу:

– Сколько времени нам понадобится, чтобы доехать до Лурда?

Марина открывает глаза и апатично смотрит на меня. Наконец до неё доходит смысл моего вопроса.

- Шестнадцать часов. Если всё будет нормально, завтра к обеду будем на месте.
- О'кей. Спи, родная.

Но Марина всегда находит неприятную для меня тему разговора.

- Ты взял с собой таблетки?
- Зачем? Ты сказала, что в Лурде есть целебный источник.

И куда девается Марины сонная одурь? Жена даже подскакивает от возмущения.

– Здрасьте, приехали! Какой же ты безответственный человек! Половинкина велела принимать эти таблетки ежедневно!

Марина разволновалась не на шутку, поэтому я примирительно хриплю:

- Ну что ты ругаешься? Взял я таблетки. Вода водой...

Чтобы отвлечь Марину от темы медикаментов, перевожу беседу на другое:

– Ты знаешь, милая, что в Британии то место, на котором ты сейчас сидишь, называют «место королевы»?

- Интересно, а как там называют то место, на котором сидишь ты? – спрашивает Саша.

– Задница! – отвечает за меня всё ещё злая Марина.

Молчу. Ну и ладно. Писателя обидеть может каждый

Время от времени автомобильные фары выхватывают из темноты придорожные щиты с назидательными надписями: «Один спешит, двое умирают», «Один отвлёкся, трое умерли» и другими на подобную же тематику.

– Скоро французская граница. Не пора ли нам передохнуть? – интересуется Саша, когда мы минуем россыпь огней Фрайбурга. С места королевы возражений не слышно. Я тоже не прочь размять ноги. Значит, делаем остановку. У первой же зоны отдыха Саша сворачивает с автобана. Наш «Ауди» доезжает до многоугольного одноэтажного здания, в котором находятся туалеты, и замирает. Темно. Идёт мелкий дождь. Сразу за кромкой дороги начинается мокрый дремучий лес. Наверное, этот лес здесь рос, когда женщины ещё были рёбрами. Кроме нас на площадке больше никого нет.

– Перекур – десять минут! – объявляет Саша, доставая сигареты. В нашей семье курит только он. Может быть, поэтому Саша такой худой и длинноногий?

Марина, зябко поёживаясь, отправляется в туалет. Саша достаёт из багажника сумку с едой и термос с кофе. Я, жуя на ходу бутерброд с колбасой, отправляюсь следом за супругой. Унитаз приветствует меня грохотом водопада, когда я закрываю дверь кабинки. В таких туалетах я уже бывал. В них у унитазов нет клавиши слива. Несамостоятельным горшком руководит входная дверь. Вошёл – пошла вода. Вышел – опять пошла. Чего только люди не придумают, чтобы ничего не делать. Леню даже смыть за собой. А ещё Европа!

Возвращаюсь к «Ауди». Марина и Саша уже поели и пьют горячий кофе из пластиковых стаканчиков. Это моя хозяйственная жена запасла в дорогу целую коробку с одноразовой посудой: ложками, вилками, ножами, тарелками, стаканами.

- Выпей таблетку, – напоминает мне Марина.

Пью. Заодно грею больное горло обжигающим кофе.

- Скоро понадобится заправить машину, – озабоченно говорит Саша.

Я интересуюсь:

- А до заправки-то дотянем?

Саша смотрит на навигатор. Эта умная штука показывает не только маршрут, но и все заправочные станции, которые встретятся нам по пути.

– Нави говорит, что первая будет через пятьдесят километров. Доедем. У меня дизеля ещё на сотню хватит.

- Поели, мальчики? – спрашивает Марина.

Мы киваем.

- Тогда поехали.

Собираем недоеденные бутерброды обратно в сумку. Пока остальные занимают места в машине, я шагаю к большому чёрному контейнеру, чтобы выбросить мусор. Такое правило.

Едем дальше. Теперь за рулём сидит Марина. Саша спит на заднем сиденье. Временами возится там и постанывает. Наверное, так он заряжается энергией, а может, ему снятся бесстыдные девушки. Парень-то молодой, нецелованный-небалованный.

Вот и Франция. Границы больше нет. Только незаметный указатель на обочине. Да здравствует Евросоюз! Французский дождь ничем не отличается от немецкого. Такой же мелкий, нудный и холодный. А вот знаки дорожного движения отличаются. Здесь они раза в полтора больше, чем в Германии. Насколько я ориентируюсь, сейчас мы едем по Эльзасу, держим направление на Мюлуз. Начинаются горы. Трудолюбивые немцы построили путепроводы над пропастями, во многих местах разрезали горы пополам, пробили туннели. Ветреные французы не стали заморачиваться, поэтому теперь наш «Ауди» то поднимается на вершину высокой горы, то скатывается к её подножию, чтобы тут же начать новый подъём.

Время позднее. Я уже сильно хочу спать, но держусь. Не могу оставить Марину одну. Боюсь, как бы она тоже не уснула за рулём.

– Сейчас будет большая автостоянка с мотелем, кафетерием и бензозаправочной станцией, – негромко говорит Марина. – Будем останавливаться?

– Конечно, сворачивай, мама, – подаёт голос проснувшийся Саша.

Сворачиваем.

Несмотря на позднее время, свободных бензоколонок нет. Возле каждой караулят два-три автомобиля с французскими, швейцарскими, немецкими номерами. Французских, конечно, больше всех. Марина пристраивает наш «Ауди» за обалденным британским «Рейнджровером». Водитель «Рейнджровера», высокий худой длинноносый джентльмен в сером элегантном полупальто с поднятым воротником, заправляет своего железного коня.

– Перестраивайся вправо, мама, – подсказывает Саша. – Ну его, этого Чёртечтона. Терпеть не могу англичан. Они такие высокомерные! Вон соседняя колонка сейчас освободится.

Марина собирается дать задний ход, чтобы занять очередь попроще, но джентльмен в сером полупальто делает нам знак пальцами: подождите, мол. Он закрывает топливный бак, садится в «Рейнджровер» и предупредительно отъезжает от колонки в сторону. Потом идёт платить за бензин. Мы провожаем джентльмена благодарными взглядами. «Thank you, sir²». Мы любим британцев!

Едем дальше. Бельфор, Безансон... Как опытного пассажира, меня радует качество французских автострад. Оно ничем не уступает германскому. Это ведь только в России дороги объезжают по полям. По-прежнему идёт дождик, и автомобильные щётки ритмично ёрзают по ветровому стеклу. Марина тихо ворчит. Я понимаю её недовольство. «Ауди» сам выбирает режим работы щёток. Когда дождь усиливается, машине требуется время, чтобы добавить им проворства. Пока «Ауди» думает, стекло покрывается струйками воды и водителю ничего не видно.

Серым мокрым утром въезжаем в Лион – родину физика Ампера, лётчика-писателя Антуана де Сент-Экзюпери, композитора Жана Мишеля Жарра. А родоначальники кинематографа братья Люмьер здесь похоронены. В Лионе меня внезапно охватывает топографический кретинизм.

– Мы правильно едем? – спрашивает Марина, когда навигатор показывает направление на Марсель.

– Нави ошибается, – уверенно хриплю я. – Марсель находится к востоку отсюда, а нам нужно на юг. Ищи указатель на Валанс!

Марина послушно делает поворот в противоположную от Марселя сторону. Мы начинаем кружить по фабричным пригородам огромного города. Мы кружим, а тем временем Лион

² Спасибо, сэр. (англ.)

просыпается. Автомобилей на дороге становится всё больше. Время идёт, топливо расходуется, но заветного указателя на Валанс нигде не видно.

– Кажется, мы здесь уже проезжали, – замечает Марина, когда наш «Ауди» в третий раз поднимается на высокий путепровод.

– Ну, тогда и я не знаю, – сдаюсь я.

Положение спасает Саша. Он решительно произносит:

– Мама, хватит кругалю давать! Пусти меня за руль. Я знаю, куда ехать.

Уставшая Марина охотно уступает штурвал сыну. Дальше Саша поведёт наш сизосерый корабль. Следя за навигатором, я вижу, что мы направляемся в неправильный Марсель, но молчу. Как сказал Сенека-старший: «Человеку свойственно ошибаться, но глупо упорствовать в своих ошибках»³. Навигатор был прав – из Лиона на юг есть только одна дорога – на Марсель. Поворот на Валанс находится дальше.

Покрутившись ещё немного по эстакадам, мы наконец покидаем надоевший Лион. С обеих сторон шоссе тянутся скучные поля с редкими фермами. Над нами висят клочья дождевых туч. Позади осталось полдороги, впереди лежит полпути. Едем дальше.

Кстати о платных автострадах. В Германии их пока нет. По крайней мере, легковые автомобили бороздят германские просторы совершенно безвозмездно. Во Франции всё по-другому. Как говорят немцы: другие страны – другие нравы.

Время от времени шоссе воронкообразно расширяется, и перед нашими глазами появляется длинный ряд платёжных терминалов с автоматическими шлагбаумами. Огромные стрелы сообщают путешественникам о том, какие терминалы предназначены для автобусов, какие – для грузовиков, какие для нас – легковушек. Подъезжаем, опускаем деньги в узкую щель терминала, получаем сдачу и талончик. Шлагбаум поднимается. Через несколько десятков километров достигаем выезда с платного участка. Вставляем талончик в автомат, шлагбаум поднимается. Едем до следующего платного участка. Во Франции дорожный разбой функционирует чётко.

Мне адски хочется спать. Я не смыкал век уже сутки. Для меня это многовато. Даже по германскому счёту. Да и горло болит по-прежнему. Хорошо Маринке! Она сладко спит под ровный гул мотора. Мужики обо всём позаботятся. Саша в наушниках слушает музыку. А вот и долгожданный знак со словом «Валанс». Я удовлетворённо закрываю глаза. Теперь можно расслабиться. Даю указание Саше:

– Держи направление на Ним, а дальше на Монпелье. Я пока подремлю. Буди меня, если только обрушатся небеса.

– Не беспокойся, Вадим. У меня есть нави, – отвечает Саша.

Но я его уже не слышу. Сплю.

Пока моё сознание отсутствует в Яви, «Ауди» минует Валанс, белые высотки Нима, виднеющиеся в сетке дождя справа от дороги, и летит по автострате, помпезно названной Виа Домициа.

Когда я наконец с трудом разлепляю глаза, машину ведёт Марина. Сзади доносится Сашин храп.

– Где это мы, золотко? – задаю вопрос супруге, удивлённо глядя на кипарисы, пальмы-метёлки и россыпи домиков песочного цвета с розовыми черепичными крышами. – Подъезжаем к Изумрудному городу?

– Едем по Дороге двух морей. Правда, классное название? Скоро будет Каркассон.

– А Монпелье?

– Меньше спать надо, милый. Монпелье мы давно проехали. Ты всё проспал.

– Что именно?

³ Errare humanum est, stultum est in errore perseverare. (лат.)

– Прованс, Страну катаров, гору Алариха. Это сказочные места даже в дождь!

– А не пора ли нам подкрепиться? – предлагаю я без особой надежды.

– Рано ещё! Обедать будем после Каркассона, – отвечает Марина. Я вздыхаю. Современный мужчина ест не тогда, когда хочет, а когда женщины дадут. Неужели так было всегда? Даже во времена Алариха?

Обиженно смотрю в окошко. Нудный дождик то прекращается, то снова начинает капать. Дорожный указатель информирует, что мы проезжаем по региону Лангедок-Руссильон. Больших городов не видно. Шоссе петляет по сельской местности. Там и сям виднеются одинокие фермы, со всех сторон обсаженные деревьями. Фермы окружены полями. Время от времени попадаются небольшие селения. Я уже почти умер от голода, когда справа на горизонте появляется силуэт огромной крепости.

– А вот и Каркассон! – показываю я Марине на крепость пальцем. – Женщина, прошу вас пройти на кухню для приготовления пищи!

Делаем краткий перерыв на обед. Опять кофе, бутерброды. Потом едем дальше. В Тулузе сворачиваем на Тарб. До святого места осталось всего несколько километров. Небо темнеет. Дождь усиливается и переходит в настоящий ливень. Далеко впереди в серой влажной дымке высятся величественные Пиренеи. Я не люблю горы. Жить в горах тяжело и опасно. Обвалы, сели, лавины, бездонные пропасти, дикие горцы. Единственное, что оправдывает существование гор, – это их красота.

Проезжаем мокрую надпись «Тарб». Вот и конец пути. Глядя в окно, я непроизвольно ёжусь. За окном хлещет холодный дождь. Пасмурно. И никто не стоит посреди дороги с ключами от города.

Глава 3

Отель «Галльский петух» построен на возвышенности у реки. Это мрачный узкий дом, вытянутый в глубину участка, заросшего густым колючим кустарником. Длинная четырёхскатная крыша делает строение похожим на гроб, зачем-то выставленный на вершину крутого холма. К «Галльскому петуху» ведёт узкая извилистая дорога, обсаженная высокими буками. Других зданий рядом с отелем нет. Первые городские постройки виднеются в паре сотен метров отсюда. Глухомань.

Саша паркует «Ауди» возле крыльца, над которым под резкими порывами вечернего ветра дребезжит жестяной символ Франции. Хотя ещё не очень поздно, крыльцо и десяток метров перед ним уже освещены уличным фонарём.

– Кажется, добрались, – говорит Марина, открывая дверцу машины. – Пойдём со мной, Вадим. Ты же у нас переводчик.

Смелое заявление. Французский я учу всего ничего, но, как говорится, на безрыбье и рак рыба.

Саша остаётся ждать в тёплом салоне «Ауди», а мы с Мариной под дождём поднимаемся на крыльцо. Над дверью написано: «Le Coq Gaulois⁴». Едва супруга успевает нажать на звонок, как дверь распахивается. На пороге стоит женщина лет пятидесяти. Она улыбается, показывая неожиданно большие зубы, и делает приглашающий жест рукой. Входим.

Зубастая женщина провожает нас в комнату, служащую для хозяев гостиницы офисом. Там женщина включает компьютер и вопросительно смотрит на нас. Я называю наши имена. Женщина что-то делает в компьютере, кивает. Затем быстро говорит по-французски. Марина подталкивает меня вперёд – давай, мол, переводчик, покажи себя. Я набираю в грудь побольше воздуха. Сейчас блесну!

– Je ne parle pas français!⁵ – выдаю я свою коронную фразу – специально выучил её перед поездкой.

– У вас кто-нибудь говорит по-немецки? – спрашивает Марина. Женщина отрицательно мотает головой. Я насмешливо смотрю на жену. Не нужно верить рекламе. Женщина опять демонстрирует нам большие зубы и что-то стрекочет. Кажется, что её голос поднимается из туфлей. Я с трудом разбираю имя – Луиза. Луиза зовёт нас за собой. Делать нечего – идём.

По тёмной, оглушительно скрипящей лестнице мы поднимаемся на второй этаж и оказываемся в узком коридоре. Здесь тоже темно, пахнет краской. В коридор выходит несколько дверей. Луиза открывает ключом одну из них. Мы оказываемся в просторной квадратной комнате. Загорается свет. Стол, стулья, шкаф, диван, двуспальная кровать, телевизор, круглые часы на стене. Единственное окно закрыто розовыми гардинами с кистями, на подоконнике горшки с пластмассовыми цветами делают жизнь прекраснее. Я подхожу к окну и отодвигаю гардину. Изнутри стёкла защищены розовыми жалюзи.

– Ну, что? Тебе здесь нравится, родной? – интересуется Марина.

– Да как тебе сказать. Какие-то мебелишки для любителей пощекотать себе нервы. В общем, я далёк от оптимизма.

Марина сердится:

– Я, конечно, тоже не очарована, но ничего дороже мы себе позволить не можем.

Напрягаюсь:

– Я понимаю, что ты считаешь меня изнеженным и развращённым типом, но...

⁴ Галльский петух (фр.)

⁵ Я не говорю по-французски! (фр.)

– Но всё равно выбора у тебя нет, – перебивает любимая супруга. – Оставайся и лечись! Поправляй убитое здоровье. Чтобы через две недели был как огурчик с бабушкиной грядки!

Зубастая Луиза молча ждёт у дверей нашего решения. Я киваю ей – мол, всё о'кей, остаёмся.

...

Меня будит звук автомобильного мотора. Какой-то полуночник едет мимо «Галльского петуха». Открываю глаза. В комнате царствует ночной мрак и сонная одурь. По карнизу барабанит дождь. Рядом посапывает Марина, уткнувшись носом в моё плечо. На диване храпит Саша. Слышно, как машина останавливается, рокот двигателя стихает.

Я хочу пить. Горло уже болит меньше и, видимо, нуждается в правильной смазке. Значит, надо вставать. Где-то в наших вещах затаился термос с кофе. Кофе – это правильная смазка. Осторожно, чтобы не разбудить Марину, встаю. Машинально смотрю на часы. Светящиеся цифры сообщают мне, что уже без пяти одиннадцать. На улице резко хлопает автомобильная дверь. Любопытно, кто это сюда припёрся на ночь глядя? Новый жилец?

Стыдя себя за неуместное любопытство, подхожу к окну, отворачиваю розовую гардину, оттягиваю полоску жалюзи. Вглядываюсь в темноту. Так и есть. У крыльца в круге света стоит такси. Точно, ещё один жилец. Укрываясь от холодного дождя под большим пёстрым зонтом, ночной гость торопится к входу в отель. Теперь мне он больше не виден. Ну и ладно. Отворачиваюсь от окна. Пора искать термос.

Подсвечивая себе мобильником, роюсь в сумках, как попало брошенных четыре часа назад в углу. Мои водители так умаялись за долгий путь, что отказались от ужина и сразу завалились спать. И то сказать: за восемнадцать часов мы проехали пол-Германии, пересекли с севера на юг всю Францию, да ещё триста пятьдесят километров вдоль Пиренеев от Нарбонна до Лурда.

А вот и термос. Попался, поилец! Тихонько его взбалтываю. Ура! Кое-что в нём осталось. Собираюсь налить это кое-что в крышку термоса, но замираю на месте. К месту меня пригвоздил еле слышный скрип половиц в коридоре за дверью. Этот тихий скрип настораживает. На оглушительный я бы не обратил внимания. Ну, топает кто-то мимо комнаты и пусть себе топает. Делов-то. А вот кому это понадобилось ночью пройти по коридору почти бесшумно, мне хочется узнать. Отложив кофепитие на потом, я едва заметно приоткрываю дверь. Во мраке коридора ничего разглядеть нельзя, но расшатанная лестница выдаёт ночного бродягу с головой. Открываю дверь шире, высовываю голову наружу и напрягаю зрение. Успеваю заметить неясный силуэт, медленно спускающийся по скрипучим ступеням. Ну, вот и всё. Ясно, что ничего не ясно. Не бежать же за неизвестным в одних трусах. Так можно человека испугать до смерти. Или самому перепугаться. Закрываю дверь на ключ, возвращаю себя в угол к термосу, пью кофе. Машинально постукиваю кончиками пальцев по голому бедру. На моём тайном языке это означает: «Тебе пора спать, чудик».

Восемь часов серого утра. На улице по-прежнему моросит дождь. Он ещё не собрался с силами, поэтому капает редко. Хорошо выспавшаяся Марина безжалостно будит меня и Сашу. Нежности в ней нет нисколько! Полупроснувшись, бредём с Сашей в ванную комнату. Все удобства расположены в конце коридора. Умываемся, чистим зубы, бреемся. Смотрю на себя в зеркало над раковиной. Вот теперь другое дело. Хемингуэй!

Для того чтобы полакомиться настоящим французским завтраком, наша компания спускается на первый этаж. Стоимость трёхразового питания входит в цену номера. В столовой хлопочет Луиза. Других гостиничных постояльцев не видно.

– Бонжур!

– Бонжур!

Луиза показывает, что её большие зубы за ночь меньше не стали и голосом из туфлей приглашает нас занять места за прямоугольным столом. Что мы и делаем. Пока Луиза подаёт длинные багеты, круассаны, сыр, масло, апельсиновое варенье, сливки, кофе, я оглядываю столовую. Мне ведь здесь питаться две недели.

В столовой вполне уютно: два широких окна за весёленькими занавесками в разноцветный горошек, гастрономические натюрморты на стенах, новая мебель, телевизор на высокой тумбочке. Между окон висит изображение какой-то святой. Наверное, Бернадетты. За тонкой перегородкой находится кухня. Это оттуда Луиза таскает на стол еду.

– Только французы и голодные акулы могут лопать эту гадость! – замечает Саша, брезгливо разглядывая заросший зелёной плесенью сыр. – Мама, ну как ты можешь такое есть?!

Пробуя подозрительный сыр, Марина улыбается.

– Пять лет жизни в студенческой общаге, сынок. Там мы и не такое кушали.

Я в беседе не участвую. У меня болит горло и к тому же рот целиком занят куском багета, намазанного маслом.

– Халло! Добро пожаловать в Лурд.

Немецкая речь? Марина насмешливо смотрит на меня. Значит, реклама нас не обманула. Поворачиваем головы к двери. На пороге стоит невысокая тоненькая девчушка. Хрупкая, как крылышко мотылька. Огромные голубые глаза, вздёрнутый носик, острый подбородок, нимб золотых кудрявых волос. Девочка-эльф из моего сна.

– Меня зовут Кассандра. Я знаю немецкий язык. Вы ведь из Германии?

– Совершенно верно, мы из Баварии, – радостно отвечает Саша. Ему надоело слушать непонятную французскую речь и он рад возможности поболтать по-немецки, да ещё с хорошенькой барышней.

Кассандра совершенно свободно говорит по-немецки. Без всякого акцента. Гораздо лучше, чем я и Марина. Мне откуда-то знакомо её имя, но не могу вспомнить, где я его слышал. Интересуюсь:

– Вы здесь работаете?

– Помогаю матери. «Галльский петух» принадлежит нашей семье. Вы к нам надолго?

– После завтрака мы с сыном уезжаем, – говорит Марина, – а Вадим останется здесь на две недели.

Кассандра улыбается мне. У неё лучезарная улыбка. Смертельная для юных и угасающих мужчин. А я угасающий?

– Надеюсь, вам у нас понравится.

Я молча киваю, давая понять, что разговор окончен. Однако Марина задаёт неожиданной вопрос:

– Сколько вам лет, Кассандра?

– Семнадцать, вернее, вот-вот исполнится восемнадцать. А что?

– У меня к вам большая просьба, Кассандра.

– Да?

– Вадим восстанавливается после инсульта. Ему трудно ходить, у него нарушено равновесие. Да и французский язык он почти не знает. Не могли бы вы немного поухаживать за ним. Например, вовремя напомнить о приёме лекарств. Сопровождать на прогулках. Его нужно держать за руку, чтобы он не упал. Если можно, конечно. Я вам заплачу.

Кассандра с сочувствием смотрит на меня. Глаза у неё действительно небесного цвета и очень красивые. Тем не менее я недовольно морщусь.

– Зачем ты всё это говоришь? – бурчу я супруге по-русски. – Я не нуждаюсь в несовершеннолетних няньках. Как-нибудь сам справлюсь.

К моей досаде, Кассандра охотно соглашается:

– Хорошо, мадам. Я позабочусь о мсье Вадиме. В школе каникулы почти до конца апреля. Я весь день буду в отеле. Весной мало постояльцев, и я свободна.

– Большое спасибо, Кассандра. Вы нас очень выручите, – с чувством произносит Марина, свирепо показывая мне кулак под столом. Ну и ладно.

– А где тот человек, что приехал вчера вечером? – спрашиваю я, чтобы отвлечь женщин от моих болячек.

– Какой человек?

Кассандра удивлена.

– Я видел из окна, как вчера около одиннадцати кто-то приехал в отель на такси.

Кассандра поворачивается к матери и что-то шепчет ей. Луиза равнодушно пожимает плечами. Кассандра разводит руками.

– Нет, мсье Вадим, вы ошибаетесь. Вчера вечером никого не было. Вы трое – единственные наши гости.

Странно. Очень странно. Я внимательно смотрю в голубые очи Кассандры, в неподвижные морщины Луизы. Или эти дамочки великие обманщицы, или они действительно ничего не знают.

– Но я же видел...

– Не упрямясь, дорогой, – шепчет мне Марина. – Может быть, тебе приснилось.

– Я просыпался, чтобы попить и видел!

Марина теряет терпение:

– Ну хватит вредничать! Хозяевам лучше знать, кто к ним приезжает, а кто нет. И вообще, это не важно.

Если бы она тогда знала, как это важно!

Марина обращается к Кассандре:

– Вы сможете сегодня показать Вадиму санктуарий?

Девушка отрицательно мотает головой:

– Нет-нет, мадам. Лучше сходить завтра. Сегодня весь день будет идти дождь.

– О'кей, тогда завтра, – Марина успокаивающе гладит меня по колену. – Придётся тебе сегодня посидеть в отеле, родной.

– В гостиной есть большой телевизор, – вставляет Кассандра, – много видеофильмов, книг, журналов.

– Ладно, сам разберусь, – бурчу я обиженно. Подумаешь, санктуарий! Я же видел Мону Лизу.

– Ну вот и хорошо, – поднимается Марина с места. – А нам пора. Саша, поехали!

Прощаюсь со своими, стоя под редким дождиком возле «Ауди».

– Вернусь домой – обязательно навещу в альтерсхайме фрау Краус, – говорит Марина. Капли дождя на её лице дрожат, словно слёзы. – А ты, дорогой, не забудь набрать чудотворной воды. Канистры Саша сложил тебе под кровать.

– О'кей, наберу.

– И про таблетки не забывай. Кассандра будет тебя контролировать. Я с ней рассчитаюсь, когда приеду за тобой.

Таблетки! Сакраментальный вопрос!

– За две недели я тут со скуки помру, – жалобно хриплю я, хотя и понимаю, что это бесполезно.

– Не помрёшь. Зато отдохнёшь от своей писанины.

– Ага, и тараканы из головы пропадут.

Марина ласково проводит мокрой ладонью по моему лицу.

– Надеюсь. Ладно, не скучай. Я обещаю часто звонить. Мы заберём тебя через две недели в субботу. И не балуйся тут! А мы с Сашей погнали.

И они отбывают.

Тащу себя обратно в «Галльский петух». Днём дверь не закрывают, поэтому я беспрепятственно вхожу в отель и, миновав столовую, оказываюсь в гостиной. Здесь я ещё не был. Гостиная представляет собой уютную комнату с круглым столом посередине. Над столом висит лампа в розовом абажуре. Вокруг стоят глубокие мягкие кресла. У стены огромный телевизор, под ним видеоплеер, ещё ниже полки с видеокассетами и дисками. Рядом тумбочка с телефонным аппаратом. У стены напротив – книжный шкаф. За стеклом – шеренги книг в разноцветных обложках. На низком журнальном столике в углу лежит кipa журналов.

Внезапно один из предметов мебели в самом тёмном углу двигается и громко произносит:

– Камбрэ!

От неожиданности я вздрагиваю и проворно разворачиваю себя в сторону ожившей вещи. Слава тебе, господи! Это не мебель заговорила со мной. Это мощный старик с такой длинной нечёсаной бородой, словно его родителями были синьор Карабас-Барабас и знаменитая бородатая женщина. Отвислые бакенбарды, свисающие со щёк, как две серые мочалки, длинное багровое лицо. На орлином носу надёжно сидят очки. Возможно, его далёким предком был д'Артаньян или конь д'Артаньяна. Заросший старикан возвышается в инвалидном кресле на колёсиках. В руках у него раскрытая Библия. На груди висит тяжёлое потемневшее распятие.

– Меня зовут Франсуа Камбрэ, – звучно повторяет старик, – а как вас зовут, брат мой?

Я называю своё имя и добавляю, что вчера приехал из Германии.

– Из немецкого я знаю только eine Bier!⁶ – чеканно сообщает мне Франсуа Камбрэ. Я понимаю его речь вполне сносно. Голос старикана звучит размеренно и чётко, как кремлёвские куранты.

Улыбаясь, я пячусь к выходу. Бородач говорит ещё что-то, но это я уже не понимаю. Покинув гостиную, задерживаюсь возле столовой. Слышно, как Луиза и Кассандра, гремя посудой, о чём-то переговариваются на кухне. Я решаю важный вопрос, чем мне сейчас заняться. Вскрабкаться по скрипучей лестнице в свой номер или подышать свежим воздухом, несмотря на дождь? Вспоминаю, что Марина говорила: я должен больше гулять. Это решает дело в пользу улицы.

Вывожу себя на крыльцо. Дождь почти не идёт, только прикидывается, но всё равно я застёгиваю ветровку и поднимаю воротник. Сыро, прохладно, свежо, ветрено. С холма, на котором находится «Галльский петух», видно большое белое здание. Видимо, это и есть знаменитый санктuariй. Отель от него отделяет неширокая река с собачьим названием Гав-де-По. Если у вас хорошее зрение, то ещё дальше и немного в стороне можно разглядеть приземистые крепостные стены и башни. И «Галльский петух», и санктuariй, и крепость воздвигнуты на холмах. Пространство между ними по обоим берегам реки заполнено городскими улицами. На горизонте высятся величественные Пиренеи, за которыми надёжно спряталась Испания.

Ничего не скажешь, живописно. Белый санктuariй, как ангел небесный, парит над Лурдом, зовя в горние выси. Тяжёлая крепость своим весом возвращает город на землю, к мирскому. Ну а «Галльский петух» хлопает куцыми крыльями в сторонке.

Осторожно спускаю себя с крыльца и, завернув за угол, попадаю в разросшийся заброшенный сад. Буки, вечнозелёные заросли из розмарина, можжевельника, тимьяна, колючего дрока, мирта и остролистого дуба. Заметно, что кусты давно не подстригали. Садовник явно забыл сюда дорогу. Без мачете по саду передвигаться трудно.

Слушая шелест буков и щебет птиц, медленно бреду по узкой каменной дорожке в глубь участка. Наверное, дорожка ведёт меня к реке под холмом. Думаю о загадочном ночном госте,

⁶ Одно пиво! (искаж. нем.)

которого, по словам хозяев отеля, не было. Прохожу несколько десятков метров среди мокрых кустов. Передо мной появляется покосившийся сарайчик. Из него доносится непонятный шум. Интересно, кто это там возится? Послушно шагаю на шум. И совершенно напрасно.

Едва я приближаюсь к двери, как из сарайчика выскакивает какой-то тип. Тип вдвое моложе меня, на голову выше, худ и бледен, как всадник Апокалипсиса. Злобная гримаса на костлявом лице заменяет ему дружелюбную улыбку.

– Бонжур! (Это я)

– Какого чёрта вы тут вынюхиваете, мсье?! (Это сердитый тип. Перевод мой)

Как могу, объясняю, что живу в «Галльском петухе», а здесь просто гуляю. Едва дослушав меня, тип нетерпеливо рывкает:

– Гуляйте возле отеля. К этому домику даже близко не подходите! Это частное владение!

Для вежливости места больше не остаётся. Тип выглядит более чем враждебно. Где же их хваленая французская учтивость? Ну и ладно.

– Сожалею, – говорю я без сожаления. Разворачиваю себя в обратную сторону и с достоинством ухожу. Подумаешь, домик! Задрипанный сарай на задах задрипанной гостиницы. А я видел Мону Лизу!

Моё твёрдое решение больше никогда в жизни не приближаться к сарайчику прожило короткую получасовую жизнь и скончалось в муках. Проведя до изумления бесполезные полчаса у себя в номере, я снова неуклюже крадусь по каменной дорожке. Так, вот я и прибыл. Кому тут в глаз дать? Но на этот раз всё тихо. Злющего типа нигде не видно, а на двери висит замок. На всякий случай дёргаю замок – закрыто. Тогда к услугам любопытных у сарайчика есть оконце без занавесок. Заглядываю внутрь. Разочарованно фыркаю. И ничего особенного там нет! Сети, удочки, сачки, всякий рыболовецкий инструментарий. Совершенно непонятно, почему моё здесь появление вызвало такое беспричинное неодобрение.

Я уже отворачиваюсь от окна, когда какой-то диссонанс в рыбацких доспехах привлекает моё внимание. Поворачиваю себя обратно, вглядываюсь и замираю на месте. День сегодня прохладный, но меня бросает в жар. Горячий пот течёт по спине и лицу. На грязном полу возле чего-то накрытого брезентом лежит знакомый зонт. Можно разглядеть пёстрый узор, который я видел ночью. У меня нет сомнения, что это зонт того самого человека, который не приезжал. Но не зонт заставляет меня истекать потом. Из-под брезента выглядывают бледные кончики чьих-то пальцев.

Глава 4

Медленно тороплюсь в отель. Поминутно оступаясь, хватаюсь для сохранения равновесия за мокрые колючие кусты. В моей дважды просверленной голове хаотически мечутся мысли. Неужели в сарайчике лежит труп ночного гостя? Что за дьявольщина! Труп не может здесь находиться, а я не могу на него смотреть. Это же противоестественно! Тем не менее это бесспорная реальность. Явь. И я в ней.

Кто он такой, этот человек? Что с ним произошло ночью? Кто и зачем спрятал его в сарайчике? Злобный тип? Кто тогда этот тип? Просто работник или родственник хозяев «Галльского петуха»? И что мне теперь со всем этим делать? Звонить в полицию?

Достигнув крыльца, приободряюсь. Значит со мной всё в порядке. Незнакомец мне не приснился. Я действительно видел его ночью. Так как по одной из версий, реальность – это иллюзия, возникающая из-за недостатка алкоголя в крови, принимаю решение срочно выпить водки. Может быть, тогда попаду в другую реальность? Без покойников под брезентом. Веду себя на кухню.

В кухне златовласая Кассандра протирает посуду. Луиза отсутствует.

– Халло, мсье Вадим! Вы что-то хотите?

– Я хотел бы спиртного, – говорю я сиплым от волнения и простуды голосом. – У вас есть что-нибудь покрепче?

– Из крепких напитков могу предложить кальвадос.

– О'кей.

Кассандра наливает мне стаканчик знаменитого яблочного бренди. Я залпом выпиваю храбрую воду. Пошла колом. Нет, русской водке кальвадос не соперник.

– Ещё одну порцию, пожалуйста.

Выпиваю второй стаканчик. Этот пошел соколом. Но Бог троицу любит.

– Последний.

Кассандра молча подаёт новый стаканчик.

– За твоё здоровье!

– Ещё?

– Спасибо, Кассандра. На сегодня мне хватит.

Три стаканчика в сумме – это много, но зато мне становится легче. На смену минутной растерянности приходит твёрдая уверенность в себе и просыпается интерес к женскому полу – безошибочные признаки алкогольного опьянения. Кальвадос превращает жалкого инвалида в решительного мачо. Я устраиваю себя на табурете возле окна. У меня есть много вопросов к Кассандре. Например, откуда она так здорово знает немецкий? Ведь ни Луиза, ни Франсуа не говорят на языке Гёте.

– Ты великолепно говоришь по-немецки. Скажи, где ты научилась?

Кассандра лучезарно улыбается.

– Спасибо, но я и по-французски говорю не хуже.

Не хочет отвечать? Но я настойчив.

– Это не ответ на мой вопрос.

Между прочим, Кассандра уже несколько минут трёт одну и ту же тарелку.

– Я долго жила в Германии. Там и научилась. Как говорят французы: «Когда куёшь, становишься кузнецом».

– «Галльский петух» открылся недавно?

Кассандра удивлённо смотрит на меня своими поразительно голубыми глазами.

– Как вы догадались?

– Сам дом старый, а вся мебель новая, жестяной петух над крыльцом тоже ещё не облез от непогоды. К тому же в отеле недавно покрасили полы.

Кассандра усмехается.

– Супер! Вы очень наблюдательны, мсье Вадим. Вы правы – наша семья купила этот дом три месяца назад.

Я замечаю в её голосе лёгкое беспокойство, но от этого факта меня отвлекает собачий лай. Какая-то пустолайка визгливо лает наверху.

– В «Галльском петухе» есть собака?

– Это Стичи. Она недавно ошенилась, поэтому ведёт себя беспокойно.

– Кто такая Стичи?

– Собака тётки Шарлоты.

– А кто у нас тётка Шарлотта?

– Старшая сестра матери. Тётка Шарлотта живёт со Стичи на третьем этаже. Она очень редко спускается вниз.

– Почему?

– Ей тяжело из-за веса. Тётка Шарлотта очень полная. Кроме того, она курит, а отец не выносит табачный дым. У него астма. И не любит собак.

– Мсье Франсуа твой отец, Кассандра?

– Да, а почему вы спрашиваете?

– Ты совсем не похожа на родителей. Они брюнеты, а ты блондинка.

Кассандра пожимает хрупкими плечами.

– Так часто бывает. Значит, я похожа на бабушку. Мать отца была рыжей.

– А кто ещё живёт в отеле?

Это, конечно, немного бесцеремонный вопрос, но могу же и я быть бесцеремонным, как все нормальные люди.

– Мои братья.

– Вот как? И сколько же их у тебя?

– Не пугайтесь, всего двое. Адольф и Анибаль.

– В саду возле сарая я встретил какого-то недружелюбного типа. Лет двадцати пяти. Он велел мне убираться оттуда. Кто это мог быть?

– Как он выглядел?

– Как брат Дракулы.

– Наверняка это Адольф. Анибаль очень милый.

– А почему Адольф был со мной так груб? Этот сарай – место его дневного отдыха?

– Он заядлый рыбак и хранит в бывшем гостевом домике свои рыболовные снасти. От домика к реке идёт тропинка. Там на берегу есть место, на котором Адольф постоянно ловит рыбу. Да и вообще, Адольф не самый приятный человек.

– Почему же?

Кассандра доверительно понижает голос:

– Только это между нами, мсье Вадим. У Адольфа в юности были проблемы с наркотиками. Из-за этого начались неприятности с полицией. Его заставили лечиться. Здоровье у него подорвано, психика не в порядке. Сейчас Адольф постоянно принимает таблетки от агрессивности, но зато больше не ширяется. У него теперь рыбалка вместо наркотиков.

– Рыбу-то хоть носит?

Кассандра смеётся.

– Рыба была вчера и завтра.

Теперь мы смеёмся вместе. Оказывается, она очень обаятельная – эта золотоволосая девчонка. Или я немного пьян?

– Вот и вся наша семья, – подводит итог Кассандра. – А вы откуда родом, мсье Вадим? Вы говорите по-немецки с английским акцентом.

Вот тебе на! Однажды мне сказали, что в моей речи слышен польский акцент, а теперь английский.

– Я из России.

– Наверное, вы сначала учили английский язык?

– Когда-то в школе.

Кассандра улыбается своей лучезарной улыбкой.

– Так вот откуда у вас английский выговор!

Мы болтаем, а тем временем крепкое французское бренди продолжает своё коварное действие. Я уже замечаю, что мир становится гораздо привлекательнее, когда в нём Кассандра моет посуду, но тут в кухню входит запыхавшаяся Луиза. Она что-то сердито чирикает Кассандре. Девушка строптиво чирикает в ответ. Я больше догадываюсь, чем понимаю, что мать ругает дочь за болтовню с постояльцем. Луиза опять произносит несколько фраз и кивает в мою сторону. Кассандра переводит:

– Через десять минут обед. Мать спрашивает, не согласитесь ли вы пообедать вместе с нами. Других жильцов в отеле пока нет, и мы могли бы питаться вместе.

Кальвадос, улыбка Кассандры и труп в сарайчике сделали меня уступчивым, поэтому принимаю волевое решение:

– О'кей. Я не против.

Мой первый обед во Франции проходит в обстановке скрытой нервозности. В столовой кроме меня сидят пятеро: бородатый Франсуа, зубастая Луиза, исхудавший на нет Адольф, голубоглазая девочка-эльф Кассандра и милый Анибаль. В общем, все людские резервы «Галльского петуха» налицо. Отсутствует лишь тётка Шарлотта. Впрочем, у неё есть уважительная причина – лишний вес.

На столе нет лягушачьих лапок в томатном соусе, шашлыков из ракушек или золотых рыбок с апельсинами. Обед банальный, но аппетитный. Мы едим самые обычные бараньи почки. Кассандра мне шепчет, что по-бургундски. К почкам прилагается чесночный соус айоли. Пробую. Вкусно. Никаких аперитивов и дижестивов не просматривается. В «Галльском петухе» свирепствует сухой закон. Вместо алкоголя – молитва мсье Франсуа.

Злобным типом, прогнавшим меня от сарайчика, действительно оказался Адольф. При новой встрече он окидывает меня таким ледяным взглядом, что тут даже морж бы околел. Да и потом ведёт себя так, как будто его назначили главой министерства надутых щёк. Анибаль совсем не похож на старшего брата. Видя его карикатурно огромную голову, сразу становится ясно, что парень не реинкарнация Эйнштейна. Сверкая от радости, Анибаль уписывает еду за обе щёки. Добрая половина содержимого его тарелки уже впитывается в рубашку и брюки. Сидящая рядом с блаженным сыном Луиза время от времени заботливо вытирает ему лицо салфеткой. На лице матери застыло выражение безнадёжности. Манера еды Анибаля внушает мне лёгкое опасение, но, к счастью, он атакует свой обед далеко от меня.

Телик на тумбочке развлекает нас мультфильмами на французском языке. Я ничего не понимаю. С тоской смотрю в окно. Погода совсем испортилась. Низкие набухшие тучи поливают крупным тяжёлым дождём окрестности отеля.

После почек настоящее наедалово заканчивается, и Луиза с Кассандрой подают кофе. Кофе я люблю. Это одна из немногих радостей жизни, которая мне доступна. Кто не знает: существует такой закон природы: мне невозможно долго быть без кофе.

– Кассандра, скажи Луизе, что я хотел бы иметь возможность пить кофе в своей комнате. Это можно как-то организовать?

Кассандра переводит мои слова. Луиза бросает робкий взгляд на Франсуа, тот важно кивает и произносит своим звучным голосом длинную фразу. Я понимаю, что согласие главы заведения получено.

– После обеда я принесу вам электрический чайник и посуду, – говорит Кассандра. – Кофе, чай, сливки, сахар вы можете купить у нас или завтра в магазине. В Лурде есть несколько супермаркетов – «Леклерк», «Карфур», например.

– Замечательно, – отвечаю я. – Так и сделаю. Завтра зайду в супермаркет.

– Я покажу вам наш «Карфур», мсье Вадим, – обещает Кассандра. – Он ближе. Это большой супермаркет. Там есть всё, что вам может понадобиться. А в Баварии «Карфуров» нет?

– В нашем городке точно нет.

– «Карфур»! – громко каркает Анибаль и показывает мне язык. Похоже, этот убогий большой специалист по гримасам. Адольф противно ухмыляется.

– Анибаль! Сейчас же перестань! – командует Кассандра. Как ни странно, но дурачок послушно прекращает кривляться. Чтобы он не хныкал, Луиза суёт ему в рот печенье.

– Не обращайтесь внимания, мсье Вадим, – говорит Кассандра. – Анибаль недоразвитый с рождения.

– Мама́, я хочу спать, – плаксиво заявляет недоразвитый с рождения. Обняв сына тонкими морщинистыми руками с набухшими голубыми венами, Луиза уводит его. Франсуа крестит спину Анибаля.

– Адольф с Анибалем всю ночь ловили рыбу на реке, – сообщает мне Кассандра. – Анибаль устал и начал капризничать. А вообще-то он совершенно безобидный.

– Вот как? Значит, их не было в отеле всю ночь?

– Да. Как обычно, они ушли в десять вечера и вернулись в шесть утра. На берегу есть деревянный навес от дождя. Под навесом можно развести костёр. Адольф часто пропадает на реке, а Анибаль ему помогает.

Услыхав своё имя, Адольф с подозрением смотрит на меня. Я мило ему улыбаюсь в соответствии с антизаповедью: возлюби ближнего своего, как чужую жену. А вы бы не улыбались типу, у которого в сарайчике спрятан труп?

После обеда поднимаю себя по музыкальной лестнице в свою комнату. Рассохшиеся ступени недовольно скрипят под моими ногами. Впрочем, это ерунда. Недавно мне пришлось неделю гостить в старинном замке. Вот там была совсем беда: непрошибаемые каменные стены, крутые винтовые лестницы, вечная сырость. Да ещё легенды о жутких призраках в безлунные ночи. Проклятое Средневековье!

Возвращаю себя в номер, закрываюсь на ключ. Просто на всякий случай. Вдруг у хозяев «Галльского петуха» появится желание заодно пристукнуть и меня. Наверняка в сарайчике найдётся ещё местечко под брезентом.

Человек с пёстрым зонтом не даёт мне покоя, поэтому я не ложусь на диван для лёгкой послеобеденной дремы, а порхаю по комнате, как бегемот. Думаю. Итак, что мы имеем? Кого из обитателей отеля можно внести в чёрный список потенциальных убийц? Немошного Франсуа? Агрессивного рыболова Адольфа? Неприметную Луизу? (Бабушка, а почему у вас такие большие зубы? Чтобы котлеты застревали!) Анибаль? Интересно, может ли дурачок быть убийцей? А почему нет? Парню лет двадцать, вполне созрел для великих свершений. Вон у него какие ручищи. Впрочем, Кассандра сказала, что братьев не было всю ночь. Они удили рыбу на реке. А может быть, это Кассандра? Где она была прошлым вечером? Чушь! Вряд ли невестомая девчушка-эльф справилась бы с мужиком. Хотя я толком не разглядел ночного гостя, но почему-то уверен, что это был мужчина. Так, кто ещё? Остаётся только тётка Шарлотта и Стичи. Как раз сейчас кто-то из них опять гавкает наверху.

Устав тяжело порхать, бросаю себя на диван. Уф! А вообще-то какое мне до всего этого дело? Я ведь приехал в Лурд не за острыми ощущениями. Разумеется, у каждой семьи есть

свои секреты, но не у каждой в сарайчике за домом хранится покойник. Пока ясно одно: в «Галльском петухе» исчезают люди. Пусть лучше полиция разбирается, какие ещё страшные тайны скрывает это место. Проблема в том, что я почти не говорю по-французски, едва хожу и не знаю, где здесь полиция. Грустно оглядываю комнату. Машинально постукиваю пальцами по дивану. На моём тайном языке это означает: «Всё-таки плохо без кофе!»

Тук-тук, в дверь стук. Это явилась Кассандра, нагруженная электрическим чайником и коробкой с чашками, блюдами, молочником, сахарницей, чайными ложечками и тому подобными вещами. Впускаю девчушку в номер. Она кладёт посуду на стол, подключает чайник.

– Скажи, Кассандра, а где вы жили раньше? – спрашиваю я и замечаю, как моя гостья на секунду замирает. Интересно.

– Кто «вы»?

– Ну, вся ваша семья. Или раньше вы жили не вместе?

– Семья Камбрэ приехала в Лурд из Сета. Это маленький портовый город на Средиземном море. Отец владел там таким же небольшим отелем. Тётка Шарлотта жила здесь неподалёку. Ей стало трудно жить одной, она уже немолода, за семьдесят, плохо видит и слышит, вот и предложила отцу вскладчину купить этот дом. Он как раз недорого продавался. Дом хороший, большой. На первом этаже комнаты хозяев, офис, столовая и гостиная. На втором – четыре номера. На третьем сейчас живёт тётка Шарлотта и я. Кстати, в подвале есть сауна. За отдельную плату – пожалуйста. Отец продал свой отель в Сете, а тётка Шарлотта – свою квартиру. Три месяца назад они приобрели этот дом, открыли здесь отель и назвали его «Галльский петух».

– А когда ты жила в Германии?

Я жду ответа, но Кассандра говорит, лучезарно улыбаясь:

– Расскажите лучше о себе, мсье Вадим. Чем вы занимаетесь?

Ну что же. Рассказываю о своём берёзовом фатерланде, браке с Мариной, литературе, даже об инсульте. Присев на стул, Кассандра внимательно слушает, сочувственно кивая, когда я описываю свою преждевременную смерть и воскрешение.

– Как страшно, – тихо произносит она, когда я заканчиваю описание больничных будней. В глазах Кассандры блестят слёзы. Вдруг она поднимает голову и смотрит мне прямо в лицо.

– А хотите кофе, мсье Вадим? Я мигом приготовлю.

– А что? Хорошая идея.

Кассандра срывается со стула, хватает чайник и выбегает из номера. Пока она отсутствует, я обдумываю мысль о том, чтобы попросить Кассандру позвонить в полицию. Но можно ли ей доверять? Ведь кто-то же спускался вечером по лестнице и наверняка видел приезжего, однако молчит. Почему молчит? Значит, знает, что ночного гостя прикончили? Возможно, что этот человек и есть убийца или знает, кто убийца. Кто это? Луиза? Сама Кассандра?

Через несколько минут Кассандра возвращается с полным чайником воды и несколькими упаковками кофе «три в одном». Пока она хлопочет у стола, я задаю вопрос:

– Тебе здесь нравится?

– Нравится. Здесь тихо.

Кассандра наливает кипяток в чашки, сыпет кофе, размешивает. Одну чашку подаёт мне, вторую берёт себе. Мы уютно устраиваемся на диване. Не торопясь, пьём горячий ароматный напиток. Хорошо!

– Скажи, а кто в отеле дежурит по вечерам? Ведь постояльцы могут приехать в любое время.

– Отец. Всё равно он допоздна сидит в гостиной. Смотрит телевизор и осуждает современные нравы. В гостиной есть телефон, параллельный офисному. И входная дверь рядом.

– А Луиза?

– Мать ложится рано. Не позже девяти она принимает снотворное, поэтому ничего не слышит. Зато и встаёт ни свет ни заря.

Это значит, что зубастая Луиза не могла спускаться по лестнице в одиннадцать. Ещё один момент прояснился. Я терзаюсь сомнениями. Сказать Кассандре о трупе в сарайчике или нет? Сказать или нет? Наконец, решаюсь довериться. Выбора ведь нет.

– Послушай, Кассандра. Я должен сообщить тебе одну важную вещь.

– Да, мсье Вадим?

Сбивчиво рассказываю девчухе про ночного гостя, зонт с пёстрым узором, сарайчик, пальцы из-под брезента, реакцию Адольфа на моё появление у сарайчика. Мне не хватает немецких слов, поэтому замолкаю. Кассандра снисходительно смотрит на меня своими голубыми озёрами.

– Ну что вы, мсье Вадим. Никто вечером в отель не приезжал. Вы сильно устали после долгой дороги, вот вам и приснился неприятный сон.

– А труп в сарайчике?

– Вы же не видели никакого трупа. Сами говорите, что заметили только кончики пальцев.

– Именно видел! Так же ясно, как тебя сейчас.

Кассандра улыбается. Кажется, я уже говорил, что у неё лучезарная улыбка?

– Вам просто показалось, бедный мсье Вадим. Вы спутали какие-то рыбацкие штуки Адольфа с пальцами.

Кассандра забирает у меня пустую чашку, встаёт с дивана. Сейчас она уйдёт, и я останусь один со своими страхами. Возможно, она видит мою ненормальность, но сам я этого не чувствую, поэтому делаю ещё одну попытку.

– Постой, Кассандра! Можно легко узнать, кто из нас прав.

Девчуха оборачивается, стоя на пороге.

– Что вы имеете в виду?

– Давай сейчас сходим туда, и ты сама посмотришь. Я очень прошу.

Делаю умоляющее лицо. Это я хорошо умею. Натренировался с Мариной. К моему облегчению, Кассандра кивает.

– Ну, хорошо. Мне уже самой любопытно, что же вы такое ужасное там увидели. Только возьму ключ от гостевого домика, и пойдём.

В мрачной сосредоточенности пробираюсь по каменной дорожке между кустов. Слышу, как у меня за спиной Кассандра шмыгает носом. Моя маленькая соратница по приключениям в саду следует по пятам, низко натянув капюшон на копну золотых кудрей. С её вздёрнутого носика каплют дождевые капли. Мне тоже приходится несладко. На голову льёт холодный душ, ноги разъезжаются на скользких плитках. И чего нам дома не сиделось? Вот и покосившийся сарайчик. Злобного Адольфа на этот раз нет. Кассандра отпирает замок, дверь скрежещет, словно ржавая калитка на кладбище в полночь, и мы входим внутрь. Не обращая внимания на рыбацкий инвентарь, я осторожно бросаюсь к чему-то накрытому брезентом. Крепко сжимаю край грубого материала и, чувствуя себя осквернителем могил, откидываю брезент в сторону. Упс! На грязном полу лежит куча угольных брикетов. Труп исчез.

Глава 5

Кассандра оказалась права. В понедельник дождя нет. Видимо, он весь вылился на нас за выходные. Сегодня светит яркое солнце. Безоблачное небо успешно спорит своей голубизной с глазами Кассандры. Виднеющиеся вдаль Пиренеи подсказывают невежам, что Европа не заканчивается на берегу Гав-де-По.

Я шагаю по центральной улице Лурда – проспекту Маршала Фоша. В одной руке у меня канистра для живой воды, в другой – Кассандра. Растрёпанная головёнка девчушки едва достаёт мне до плеча. Солнцезащитные очки делают её гораздо старше семнадцати лет. Пардон, почти восемнадцати. А может, это виноват солнечный свет? Настроение у меня приподнятое, но не очень. Из-за вчерашних походов под дождём опять зверски разболелось горло. Безрадостный итог неумелой игры в детектива.

Кассандра ведёт меня к санктuariю через центр городка, чтобы заодно показать местные удивительности. Как и в каждом приличном населённом пункте, в Лурде ходят автобусы, но лучше прогуляться пешком. Погода хорошая, а автобусы ходят редко и стоят недёшево. Зато на автобусных остановках есть удобные скамейки из широких досок. На них хорошо сидится не только потенциальным пассажирам, но и утомлённым пешеходам вроде нас.

Пройдя бог знает сколько километров, я вспоминаю о своём здоровье и предлагаю передохнуть. Кассандра не возражает. Устраиваю себя на скамейке, ставлю канистру возле ног. Моя спутница садится рядом.

– Далеко ещё до санктuariя?

– Не очень. Сейчас по проспекту Маршала Фоша мы доберёмся до улицы Грот, по ней до Старого моста, перейдём на ту сторону реки, а там уже рукой подать.

Осматриваюсь. Несмотря на своё громкое название, центральный проспект Лурда – это просто узкая улица, застроенная двух-, трёх-, четырёхэтажными зданиями. На первых этажах располагаются магазинчики, предприятия сферы обслуживания, забегаловки. Много гостиниц. Впрочем, другие улицы ещё уже. Некоторые боковые улочки настолько узки, что напоминают общежитские коридоры с обшарпанными стенами.

Сидим. Мимо нас проползают громадные двухэтажные автобусы, набитые паломниками со всего света. Между автобусами плетутся легковушки с немецкими, швейцарскими и испанскими номерами. Не вижу итальянских, но думаю, что итальянцев – этих ревностных католиков – в Лурде тоже полно. Редкие прохожие пересекают дорогу перед самым носом автомобилей, не глядя на сигналы светофора. Водители тоже не удостаивают наглых пехотинцев чрезмерным вниманием. Едут себе и едут. Меня это удивляет. Оказывается, я уже отвык от такого дорожного нигилизма. Вдыхаю. Да, герр Росс, это вам не Германия.

Почти напротив остановки на другой стороне проспекта я замечаю небольшой памятник. На мраморном постаменте установлен бюст какой-то французской знаменитости. Под бюстом видна крупная надпись. Напрягаю зрение, но нет. Отсюда прочитать не могу.

– Кто это там у вас увековечен? – спрашиваю Кассандру. – Основатель Лурда?

– Не знаю. Сейчас посмотрю.

Оставив меня сидеть на скамейке, Кассандра перебегает дорогу перед чёрным «Мерседесом» с берлинским номером. «Мерседес» предупредительно останавливается и пропускает девчонку. Красный французский «Рено» позади «Мерседеса» недовольно сигналил вежливому немцу.

– Это памятник генералу де Голлю, – вернувшись, сообщает мне Кассандра. Она тяжело дышит. Запыхалась бедняжка. – А за вашей спиной, мсье Вадим, памятник маршалу Фошу.

Разворачиваю себя на сто восемьдесят градусов. А ведь действительно! Оказывается, на нашей стороне проспекта прямо напротив генерала де Голля стоит точно такой же мраморный постамент. То, что написано на нём, я могу прочитать и сам.

Полюбовавшись великими деятелями далёкого прошлого, идём дальше.

– Обратите внимание, мсье Вадим. Справа вы можете заметить церковь, в которую с детства ходила Бернадетта, – тоном заправского гида сообщает мне Кассандра, показывая на старинное здание с башней. Оно виднеется в конце короткого переулка.

– Угу, – сдержанно отзываюсь я.

Вокруг становится многолюднее. Всё чаще попадаются группы паломников. Ежегодно маленький Лурд посещает четыре миллиона человек! Население трёх Эстоний.

По дороге я обдумываю своё вчерашнее фиаско в сарайчике. Очевидно, что пока я разговаривал с Кассандрой, кто-то унёс из сарайчика тело человека, который не приезжал. Вместе с зонтиком. Вдруг мне приходит в голову мысль о том, что, может быть, Кассандра специально задерживала меня в номере, чтобы я случайно не увидел то, что мне видеть не положено. Уж больно легко она согласилась посидеть со мной. И кофе выпить сама предложила. Кое-что меня в ней давно настораживает. Некие странности. Эта милая златовласка – девушка с секретом.

К счастью, Кассандра не догадывается о моих подозрениях. Тротуар неширокий, поэтому теперь она идёт впереди, изредка оглядываясь на меня. Мол, ты там ещё не потерялся, добрый человек?

– Я покажу вам санктуарий, вы наберёте воды, и к обеду мы вернёмся в «Галльский петух», – говорит Кассандра, пока мы стоим рядышком, пропуская очередную кучку паломников. Видимо, паломники уже посетили святое место и теперь направляются в свой отель.

– О'кей, – покорно бурчу я. Следуем дальше. Заметив, что я начинаю шататься больше обычного, Кассандра берёт меня за руку. Я молча принимаю её помощь. У этой девчушки маленькая, но крепкая ладошка. Мне действительно так идти легче.

Проходим небольшую площадь с красивым фонтаном в центре. В окнах одного из зданий виднеются люди в белых поварских колпаках и фартуках. Броская вывеска говорит о том, что в здании расположен ресторан. Невольно вглядываюсь в фигуры. Такое впечатление, что весь персонал ресторанной кухни столпился у окон и пялится на прохожих. Удивлённо смотрю на свою спутницу. Кассандра смеётся над моим недоумением. Спустя мгновение до меня доходит, что люди совершенно неподвижны. Ах ты ёксель-моксель! Это же манекены! Просто рекламная гримаса капитализма.

На следующем перекрёстке поворачиваем налево. Указатель на углу гласит, что это улица Грот. Улица Грот гораздо миниатюрнее, чем проспект Маршала Фоша. На ней с трудом могут разъехаться два легковых автомобиля, тем не менее перед одним из кафе я вижу автобусную остановку. Новое потрясение: неужели в такой тесноте и автобусы ходят?!

Двигаемся по улице Грот к заветной цели. Интересно, сколько тысяч людей ежедневно проходят по ней взад-вперёд? Наверное, не зря здесь в каждом доме находится какое-нибудь торговое заведение. Невольно жмурюсь. В глазах рябит от навязчивых реклам. Настоящий разгул мелкого предпринимательства. Выходим к невзрачному мосту с простецкими металлическими перилами. Никаких художественных излишеств на нём нет.

– Это и есть Старый мост?

– Да, мсье Вадим. Ещё десять минут ходьбы, и мы доберёмся до санктуария.

Кассандра крепче сжимает мою руку и прижимает к своему боку. Шествуем по мосту в окружении многоязычной толпы. Экзотические наряды, экзотические лица. Много инвалидов-колясочников. Перед нами вышагивает высокий худой человек в огромном чёрном берете и чёрно-сером одеянии до пят. Такой гардероб вышел из моды лет триста назад. На меня человек в огромном берете производит тревожное впечатление. Его можно легко представить на фоне костров инквизиции.

Молодая непривлекательная цыганка, сидя на замызганном коврикe у перил, околдовывает жгучими чёрными очами прохожих. Человек в старомодном наряде низко наклоняется к нищенке и подаёт милостыню.

– А разве в Лурде не запрещено побираться?

На хорошеньком лице Кассандры появляется недовольная гримаска.

– Запрещено, но попрошайек здесь великое множество. Сами видите.

За мостом опять бесконечной чередой тянутся магазины сувениров, отели, кафе и рестораны. Тротуары и проезжая часть заполнены народом. Время от времени через эту массу людей, угрожающе рыча, протискиваются огромные автобусы.

Вместе с целеустремлёнными, как муравьи, паломниками достигаем перекрёстка. В этом месте сходятся несколько улиц и находится вход на территорию санктуария. Ворота открыты настежь, и все страждущие неудержимо вливаются в них. Возле входа продаются пластиковые канистры, бутылки, банки и другие ёмкости для целебной воды. Нищий, похожий на дервиша: тощий, бородастый, в лохмотьях, стоит на коленях посреди перекрёстка.

По широкой аллее выходим на просторную площадь. Впереди стремится ввысь величественное белое здание. За огромным куполом, увенчанным золотой короной с крестом, в голубое небо упираются остроконечные узкие башни. Санктуарий украшен многочисленными статуями. Наверное, это католические святые и римские папы. Справа и слева пологие подъёмы, похожие на древнеримские виадуки, позволяют паломникам в инвалидных креслах подняться на второй этаж без большого труда.

На залитой солнцем площади многолюдно. Слышна разноязыкая речь. В европейской толпе попадает много африканцев, азиатов, даже представителей Ближнего Востока. Вероятно, это сирийские или ливанские христиане. Вряд ли мусульмане приезжают сюда, чтобы поклониться католической святой. Впрочем, я не знаю.

– Сначала мы зайдём в нижнюю церковь, потом в верхнюю, затем посетим грот, в котором Бернадетте явилась Дева Мария, наберём воды и пойдём домой обедать, – знакомит меня Кассандра с программой осмотра санктуария.

– О'кей.

Направляемся к святилищу. Я с удивлением замечаю, что чем ближе подхожу к санктуарию, тем меньше у меня болит горло. Чудесное исцеление налицо. Марина говорила, что в Лурде зарегистрировано семь тысяч случаев необъяснимого исцеления. Правда, церковью признаны лишь шестьдесят девять из них. Приободряюсь. По всему выходит, что я семидесятый? Батюшки, что же дальше-то будет?! Я ведь ещё чудотворной воды не пил!

Кассандра за руку вводит меня в церковь и усаживает на длинную скамью. Гляжу. Церковь как церковь. Тишина, прохлада, полумрак, запах ладана. Людей внутри немало. Мужчины средних лет, пожилые женщины, молодые китайки с разноцветными рюкзаками за спиной. Паломники молятся, сидя на скамьях, расхаживают по проходам, фотографируются. Я люблю красиво освещённым алтарём. Убранство храма почему-то напоминает мне православную церковь.

– Это так называемая неовизантийская Базилика розария, – шепчет Кассандра. – Над нами находится ещё одна базилика – неоготическая Базилика Непорочного Зачатия. Сейчас вы немного отдохнёте, и мы туда поднимемся.

– Не обращай со мной как с калекой, – недовольно бурчу я. В ответ на мою вредность Кассандра лучезарно улыбается. Видимо, она понимает, что на девушку с такой ослепительной улыбкой сердиться невозможно.

Через несколько минут мы покидаем нижнюю базилику и выходим на улицу. Снаружи разливается белый день. После церковной тьмы, шурю от солнечного света. Слева от входа какая-то старуха, стоя на коленях, кланяется перед статуей Богородицы. Старуха складывает

ладони перед собой и непрерывно шевелит бескровными губами. Весь её вид говорит об отчаянной мольбе.

Кассандра тянет меня к длинному подъёму, ведущему на второй этаж санктуария. Шагаем вверх. Навстречу нам спускается полная африканка, что-то тихо бормоча и утирая слёзы руками. Интересно, слышит ли Бог молитвы этих несчастных? А счастливые сюда, наверное, не приезжают.

С помощью Кассандры я легко преодолеваю расстояние до входа в верхнюю базилику. Теперь мы стоим возле того самого огромного купола с золотой короной. Отсюда открывается великолепный вид на Лурд и его окрестности. Жалею, что я не взял с собой фотоаппарат – лень было тащить, а мобильник у меня без камеры. Справа высятся зелёные горы, покрытые лесом. Слева медленно течёт река, берега которой загромождены городскими постройками. Прямо перед нами на вершине высокого холма лежит старинная крепость. Над единственной башней важно реет стяг. Отсюда не видно, какой. Но уж точно не российский триколор. Впрочем, у французов тоже триколор, только положенный набор.

Несколько женщин индийского вида в тонких шальварах и тёплых куртках толпятся у дверей церкви. Раздвинув их с помощью моей самой широкой улыбки, заходим внутрь. Тут тоже тихо, прохладно, сумрачно и пахнет ладаном. Опять присаживаемся на скамью. Верхняя базилика отличается от нижней. Здесь царствует строгость, сдержанность, аскетичность. А вы на что рассчитывали? Неоготика!

Осмотрев верхнюю базилику, спускаемся вниз.

– Теперь идём к гроту, – командует Кассандра и тащит меня за угол санктуария. Именно там происходит раздача счастья. Под боковой стеной святилища в скале находится маленький неглубокий грот. Над гротом установлена статуя Девы Марии. Видимо, на том самом месте, где она являлась Бернадетте. Между гротом и Гав-де-По разбита площадь. Подходы к гроту огорожены. Вдоль реки расставлены скамейки. Сидя на них, удобно наблюдать за очередью паломников в грот. Очередь длинная, но в мире иллюзий места хватит всем. Возле ограды стоят дежурные с пластиковыми бейджиками на груди и следят за порядком. Инвалидов, стариков древнее хаоса и родителей с маленькими детьми дежурные пропускают к гроту без очереди. Другие дежурные ходят с плакатами по площади. На плакатах изображены предупреждения не нарушать тишину. Если кто-то из паломников забывается и начинает говорить громче, чем следует, дежурный подходит к нему и прикладывает к губам палец. Такое правило. И, наверное, это правильно. Иначе можно не услышать, что тебе скажет Богородица.

Хотя горло у меня больше не болит, я, ведомый Кассандрой, послушно занимаю очередь за обросшим, как як, пожилым мужиком явно не из золотого миллиарда. Перед мужиком движется крупный негр с до блеска выбритой головой. Он прижимает обе руки к скале, отполированной миллионами паломников. Время от времени негр отрывает ладони от скалы и гладит ими свою голову, лицо, плечи. Глядя на него, другие начинают делать то же самое. Некоторые прикладывают к священному месту кошельки, ключи от автомобилей, кредитные карточки.

– Зачем они это делают? – оборачиваюсь я к Кассандре, которая идёт за мной. Вижу, что она тоже проводит рукой по холодному камню.

– Чтобы получить исцеление от недугов и удачу в делах, – тихонько отвечает мне девушка. – Вы тоже прикладывайте к этой скале всё, что у вас есть в карманах, мсье Вадим.

Окей. Достāju ключ от своего номера в «Галльском петухе» и бумажник. Даю себе наказ вечером пересчитать деньги в бумажнике. А вдруг их станет больше? Неторопливо, но безостановочно проходим вдоль скалы к гроту, входим внутрь, задерживаемся там на минуту. Люди стоят в торжественном молчании. Даже дети не резвятся, как обычно. Сверху из ниши на нас смотрит Дева Мария. Кое-кто прильнул к подножию статуи. Шутки шутками, но я действительно чувствую какое-то тепло, окутывающее это странное место. Возможно, что здесь

концентрируется добрая энергетика собравшихся сюда со всех концов Земли людей. Санктuariй – вызов объективной реальности, которая дана нам в ощущениях.

– А что там? – спрашиваю я Кассандру, когда грот остаётся позади и мы опять оказываемся на площади.

– Там есть место, где можно поставить горящую свечу. Пройдём?

Проходим вдоль стены дальше. В конце её установлены чёрные от копоти металлические сооружения, похожие на грильницы или мангалы для шашлыков. С трёх сторон и сверху к ним приварены листы железа для защиты от ветра. В сооружениях горят сотни свечей – маленькие, большие, огромные, узкие, широкие. Разные. В ящике ждут паломников новые свечи. Рядом с ящиком стоит касса. Кидай в неё деньги и бери свечу. Я так и делаю. Зажигаю свою свечу об уже горящую, ставлю в строй. Mamочka, я тебя помню и люблю!

– Ну что, мсье Вадим, теперь за водой?

Смотрю на свою маленькую спутницу. В неправдоподобно голубых глазах Кассандры стоят слёзы. Лицо нахмурилось, носик покраснел. Сопереживает, что ли?

– Давай сначала посидим немного. Что-то я устал.

Садимся рядышком на скамейку под весенним солнышком. Молчим. Зачем говорить? Нам и так хорошо. Возле меня старичок с тремя волосинками в шесть рядов читает французскую газету. Я обращаю внимание на название – «Ла Круа». По-нашему значит «Крест».

Очередь к гроту не убывает. К ней постоянно подходят всё новые и новые желающие жить долго и безболезненно. Наверное, напрасно. Ведь жизнь – это обмен молодости и здоровья на мудрость. Не помню, кто сказал. Лениво размышляю: многим людям необходимо находиться в толпе, чтобы быть уверенными, что они ведут себя правильно. Каждый из них думает: ведь не могут же все эти миллионы верующих ошибаться? Значит, их вера истинная и с нею радостнее жить. Неужели они верят, что количество переходит в качество? Глубоко вдыхаю свежий ветерок. Возле грота не курят, автомобили здесь не ездят, рядом река, поэтому воздух чистый.

Вообще-то, слава богу, я атеист, но когда мы были в верхней базилике, я, стоя перед распятием Христа, попросил у Всевышнего вдохновения. На всякий случай. Очень хочется написать много хороших книг, интересных читателям. Зачем я пишу? Люди умирают, книги остаются. Тоже не помню, кто сказал. Может быть, и я сам. Мы знаем границы своих физических возможностей, предел для своего тела. Никто не может поднимать над собой паровозы или бегать, как гепард. И только в творчестве всё иначе. Здесь нет границ. Ты не знаешь, на что окажешься способен, пока не попробуешь. И если не сегодня, то, возможно, завтра ты создашь шедевр, который переживёт тебя. Покроет немеркнувшей славой. Впрочем, некоторые предпочитают нюхать столярный клей с бензином. Вот какие глубокие мысли шевелятся в голове будущего великого писателя. А может, как иронизирует Марина, это суетятся мои тараканы?

Кассандра с беспокойством указывает пальчиком вверх. Поднимаю голову. В чистом небе собираются лохматые облака. Как бы опять не пошёл дождь. О'кей. Пора домой. Поднимаю себя с места.

На обратном пути подходим к бювету с чудотворной водой. Бювет – это два десятка специальных кранов. К каждому крану тянется хвост паломников, в избытке оснащённых пустой тарой. Мы пристраиваемся за горбатым, как верблюды, дядей в полосатом халате и с чалмой на голове. У дяди в руке только скромная пластиковая бутылка. Этим-то он и привлекателен для нас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.